

да повествуется, мы же на подлежащее повести возвратимся» (лл. 58—59 об.).

В этом обширном описании лишь одно предложение посвящено непосредственной теме повествования — святым Иоанну и Логгину. Большие пространные отступления в житиях обычны, но эти отступления либо являются общими риторическими восхвалениями святых вообще, либо представляют собой похвалу богу, христианству, церкви. Здесь же мы видим описание явления природы, взволновавшего автора своим величием и силой, описание чудес Белого моря, сказочно-фантастический рассказ о китах. С темой жития все это, по существу, никак не связано.

Интерес Сергия к пейзажу, к изображению природы не статичному, чисто описательному, а в действии, движении — не только индивидуальная авторская особенность Сергия, но и развитие уже намечавшегося ранее в житийном жанре интереса к природе, отражение общих тенденций в развитии древнерусского искусства. К середине—второй половине XVII в. и в иконописании пейзажу начинает уделяться значительно больше внимания, чем ранее, и само изображение природы в церковной живописи приобретает более реалистический характер.³⁶ В отдельных случаях пейзаж становится столь же значимым, как и изображение основной темы. Ярким примером может служить икона второй половины XVII в. «Уар и Артемий Веркольский». Изображения святых на этой иконе, по существу, обрамляет мастерски нарисованный северный пейзаж.³⁷ В Житии, написанном Сергием, природа не занимает столь важного места, как в названной иконе, но их объединяет единая тенденция: повышенный интерес к пейзажу в произведениях, по своему назначению служебно-религиозных. Этот интерес к окружающей человека реальности, выражение авторского отношения к изображаемому разрушали искусственные каноны агиографического жанра. Сочинение Сергия — убедительное свидетельство того, что в севернорусской агиографии даже у автора-церковника, поставившего перед собой задачу «украсить» написанное «невеждами простою беседою», т. е. создать произведение, отвечающее требованиям агиографического жанра, появляются мотивы, не соответствующие, а противоречащие этому жанру. Отклонение в житиях от жанровых канонов, нарушения этих канонов, обусловленные жизнью, влиянием устных традиций, развитием литературы, способствовали возникновению в житийном жанре, как жанре строго регламентированном церковно-религиозным, служебным назначением, таких явлений, которые превращали этот жанр из церковно-служебного в литературно-художественное явление. В разрушении житийных канонов, начавшемся с возникновения этого жанра в древней Руси, и заключалось развитие житийного жанра как явления литературного. И закономерным завершением развития этого жанра (ибо как живое литературное явление он прекратил свое существование с зарождением новой русской литературы) мы имеем все основания считать гениальное Житие протопопа Аввакума. Это произведение, как и каждый литературный шедевр, единственно и неповторимо, но как каждое историко-литературное явление оно не возникает из ничего. Почвой, подготовившей это произведение, и была севернорусская агиография.

³⁶ См.: И. Е. Данилова, Н. Е. Мнев а. Живопись XVII века. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М., 1959, стр. 345—402.

³⁷ Там же, стр. 400—402.